

К МЕЖДУНАРОДНОМУ ГОДУ СЕМЬИ

© 1994 г., ЭО, № 5

Н. Л. Пушкарёва

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ X—XX вв.: ЭТАПЫ ИСТОРИИ *

История женщины в России так же, как и многие другие проблемы русской истории, долгое время не имела объективного освещения. Советские историки, следуя традиции марксизма¹, старались доказать, что до социалистической революции 1917 г. положение женщин было крайне тяжелым и что лишь революция могла их спасти. В научных трудах, посвященных истории русских женщин, которые были написаны в СССР до середины 1980-х годов, говорилось о том, что в прошлом женщина была отстранена от участия в политике, не допускалась к образованию, была лишена основных гражданских и экономических прав. Немецкий социалист Август Бебель сказал как-то, что все женщины в прошлом «духовно угнетались и уродовались»². Советские историки своеобразно развили и конкретизировали эту мысль: «рабская психология», «невежество», «отупляющий домашний труд», «изоляция от общественной жизни», «повышенная религиозность»³ — эти эпитеты употреблялись исследователями «женского вопроса» в СССР для противопоставления «ужасного» прошлого и «прекрасного» настоящего русских женщин.

Зарубежные историки два-три десятилетия назад тоже мало интересовались историей русских женщин. Конечно, публиковались некоторые работы по этому вопросу⁴, но они также были «пропитаны» политикой, стремлением противопоставить невежественных московских «тюремных затворниц» свободным и правоспособным женщинам Запада. Лишь в конце 1970-х — начале 1980-х годов появились первые статьи, авторы которых попытались объективно разобраться в этом вопросе. Таковы сборники статей под ред. Д. Аткинсон («Женщины в России»), В. Е. Клементс, Б. А. Энгель, С. Д. Воробек («Русские женщины: положение, сопротивление, изменения»), а также отдельные публикации А. Клеймоу, С. Леви, Н. Кивельзон, Б. Энгель, Е. Левин, в том числе монография последней «Секс и общество в мире православных славян»⁵.

Изучение истории русских женщин до последнего времени было связано с решением нескольких важных проблем. Во-первых, исследователи пытались ответить на вопрос о том, кто же прав — Энгельс, который утверждал, что в средние века женщина была «полностью подчинена мужу, была его служанкой, рабой его желаний»⁶, или известный русский историк Н. М. Карамзин, который говорил о необходимости написать самостоятельную историю русских женщин, — так много они сделали для русской культуры, дипломатии, науки, политики. Во-вторых, в процессе изучения темы появилось стремление установить общие хронологические этапы истории русских женщин, определить, какова была имущественная и правовая самостоятельность представительниц

* Данная публикация является текстом лекции, прочитанной автором в 1992-1994 гг. в университетах США, Франции и Германии.

разных стран в разные эпохи. В-третьих, несколько позднее возникли задачи историко-сравнительного плана, сопоставления социального и семейного статуса женщин в России и Западной Европе — в древности, в средневековье, в Новое время.

Так, в появившейся несколько лет назад монографии «Женщины Древней Руси» указаны этапы изменений в имущественном и правовом статусе русских женщин от Киевской Руси до создания Русского централизованного государства. XVI век, с точки зрения автора, был определенным хронологическим рубежом, так как «домосковский» период (X—XV вв.) отмечен положительной динамикой изменений имущественных прав и социально-экономического статуса женщин разных социальных слоев. Как в городе, так и в деревне древнерусские женщины обладали своей, независимой от мужа, собственностью, свободно распоряжались ею, продавали, дарили, отдавали в приданое, использовали в хозяйственных операциях и т. п. Особенно ярко это видно из новгородских берестяных грамот⁷.

Разумеется, жизнь конкретных людей в различных семьях складывалась по-разному, однако прочный имущественный статус давал многим женщинам средневековой Руси особое положение в доме. Были семьи, где женщина находилась в зависимом, подчиненном положении, но были и такие, в которых, по словам летописца, «жена владела мужем»⁸. Случаи конфликтных ситуаций отражались в судебных актах, и если составлять представление о древнерусской семье и о месте в ней женщины только по ним одним, то можно подумать, что вся семейная жизнь женщин состояла из одних оскорблений, избиений и унижений. Такова специфика судебно-следственных дел как источника. Однако летописи свидетельствуют, что это не так. Во многих семьях мать и жена, а особенно вдова, занимали почетное, уважаемое место, и даже взрослые женщины продолжали считаться с мнением матери.

С точки зрения характеристики семейного статуса древнерусских женщин X—XV вв. важным является вопрос об интимной стороне их жизни. Русская православная церковь стремилась не допустить «свободы» женщин ни в какой области, подчинить их мужьям, в том числе и в сексуальной сфере⁹. Однако до XV в. когда идея ценности целомудренности, особенно до брака, еще не стала моральным принципом, ограничить «свободу» женщин в сексуальной сфере было нелегко. Продолжали существовать старые языческие праздники, во время которых девушки и женщины свободно выбирали себе сексуальных партнеров. Не случайно русские епитимийники, исповедные книги свидетельствуют о значительной интенсивности и разнообразии сексуальной жизни женщин¹⁰. Представляется весьма значительным и то, что древнерусские женщины с X до XV в. имели много поводов для развода, в том числе по причине импотентности их супругов, беспочвенных обвинений в чародействе, исходивших от мужей, экономической несостоятельности мужа, когда он «продавал и пропивал» имущество жены, и многим др.¹¹

Наконец, весьма важной стороной истории русских женщин с X по XV в. является участие представительниц привилегированного класса в политической жизни того времени. История сохранила десятки имен древнерусских женщин, прославившихся значительными поступками и свершениями. Эта «галерея знаменитых россиянок» открывается именем великой княгини Ольги, правившей в X в. и бывшей не только первой в истории Древней Руси женщиной-дипломатом, но и первым автором финансово-административной реформы. Можно сказать, что каждый век русской истории имеет свое характерное «женское» лицо¹². Некоторые из этих женщин особенно запоминаются. Например, в XII в. Полоцкое княжество почти 80 лет управлялось одними женщинами: их мужья и отцы находились в плену в Византии. Или в XV в.: замечательными политиками этого времени, дальновидными и мудрыми, были московские княгини Мария Ярославна, Софья Витовтовна, Софья Фоминична Палеолог, новгородская боярыня Марфа Борецкая, рязанская правительница

сестра царя Ивана III Анна Васильевна, его дочь, королева польская Елена Ивановна. Политические биографии этих женщин — свидетельства особого места, которое занимали древнерусские женщины во внутренней и внешней политике средневековой Руси.

Что же произошло в XVI в.? Это сложный и до конца не изученный вопрос. Часть исследователей (К. Клаус, С. Мак-Нэлли) вслед за дореволюционной русской историографией считают, что в эпоху Ивана Грозного положение и статус русской женщины сильно изменились: «вместо общественной личности перед нами частное лицо, домохозяйка». Другие же (К. Герке, С. Леви, Н. Бошковская) не видят ухудшения в социально-правовом, семейном и экономическом статусе большинства русских женщин¹³.

Как отнестись к этому спору? Изменения, конечно, были. Главным, что повлияло на экономический статус женщины в России, стало появление новой формы землевладения — землевладения дворянского, «служилого». Значение вотчинного права снизилось, и женщины оказались исключенными из числа получателей новых земельных угодий, так как они не служили в войске, а именно за «службу верную» царь или Боярская дума награждали землей. Немалую роль сыграло и двухвековое татаро-монгольское иго. Для освобождения от него необходимо было единое централизованное автократическое государство. Русь собрала силы, сбросила в 1480 г. иго, а автократическая система осталась. Известно, что в любом самодержавном, тоталитарном, иерархически построенном государстве структура семьи отражает все эти черты. И русская семья XVI в. несла на себе черты Московии как позднесредневековой монархии: усиливающаяся власть отца, мужа и вообще мужчины в доме, неполноправное положение женщин, особенно дочерей, молодых невесток и т. п.

Тогда же, в XVI в., в Московии возникли и знаменитые «терема» — каменные хоромы, в которых полагалось постоянно жить знатым русским женщинам, редко, лишь с разрешения мужа, показываясь на глаза гостям и соседям¹⁴.

Определенную роль в появлении затворничества женщин привилегированного класса сыграла церковь, которая объявляла такой образ жизни делом богоугодным и благочестивым. Некоторые исследователи объясняют появление теремов и «теремной системы» стремлением уберечь жен и дочерей от набегов татар. Однако никаких свидетельств о существовании теремов для великих княжен и княгинь до XVI в. нет, а между тем татаро-монгольское иго пало еще в 1480 г.¹⁵

Что же касается положения женщин разных социальных страт в XVII в., то эта тема важна для понимания подготовленности реформ начала XVIII в., в том числе касавшихся женщин, их прав, положения в обществе. Современники говорили о XVII в., что в нем «старина с новизной перемешались». Это действительно так. XVII в. был переходным от старой допетровской России к Российской империи нового времени. В XVII в. права женщин на владение и распоряжение недвижимостью, на обладание собственным имуществом были частично восстановлены, хотя и не в том объеме, как до XV в. Прежде всего это относилось к женщинам из привилегированных сословий, что же касается крестьянок и ремесленниц — то их семейный и имущественный статус изменился, по сравнению с XV в., незначительно. «Теремная система», по вполне понятным причинам, его вообще не затронула. Правда, к концу XVII в. резко ухудшился социально-правовой статус всех женщин из зависимых слоев общества, поскольку оформилось крепостное право, но это было изменение, коснувшееся всех представителей непривилегированных страт, — и мужчин, и женщин¹⁶.

Новым крупным рубежом в истории русских женщин были реформы Петра Великого, заставившие Россию открыть «окно» в Европу. Реформы коснулись разных сторон жизни общества и значительно повлияли на положение женщин.

Средневековое восприятие человека через призму христианской догматики в начале XVIII в. стало вытесняться новым взглядом на его натуру¹⁷.

«Теремная система» рухнула. Женщины привилегированных сословий вновь начали участвовать в операциях с недвижимостью, оказывать влияние на политику, полнее включаться в общественную жизнь. Показательно, что из девяти правителей России XVIII в. — пять женщин: одна регентша и четыре полноправные царицы. Екатерина II прочно вошла в историю России как образец государственного деятеля, ловкого, расчетливого, удачливого. За годы ее правления Россия, несмотря на сильнейшие социальные потрясения (восстание под предводительством Е. И. Пугачева), не проиграла ни одной войны. XVIII в. в истории русской культуры связан и с именем Екатерины Дашковой — образованнейшей женщины эпохи Просвещения, президента двух академий — Академии наук и Академии художеств, в 27 лет владевшей 14 языками. Допустим, оба этих имени — исключение, но разве биографии этих двух женщин не заслуживают восхищения, разве не важно сопоставить их исключительность с «общим правилом»?

О жизни основной массы русских женщин XVIII в. исследований очень мало. Несомненно, что в семьях купцов женщины активно участвовали во всех торговых операциях¹⁸, в крестьянских вели напряженную трудовую деятельность и в поле, и дома¹⁹. Церковные же установления, как и ранее, поддерживали идею главенства мужа в семье, не отрицая, впрочем, и авторитета матери. Роль женщины в семье любого состояния была значительной: воспитание и образование детей, заботы по хозяйству, право распоряжения домашним бюджетом — все это были традиционно закрепленные обязанности жены и матери. Законы и церковные установления защищали их честь и достоинство, сильная родня (семья женщины) могла заставить супруга, если он обижал жену, покаяться или с помощью церковных властей даже настоять на ссылке его в монастырь на полгода или на год²⁰. Иногда путем разрешения конфликта становился развод.

XIX столетие вошло в историю русских женщин как время зарождения «женского вопроса». Истоки возникновения идеи эмансипации женщин, как выяснилось, лежат в сфере понимания их социального и семейного равенства, равноправия. Какими они должны быть, действительно ли они необходимы для благополучия общества, каковы формы их проявления — такие вопросы возникли почти одновременно в общественном сознании ряда стран Европы, а позднее и России — почти полтора столетия назад.

«Женский вопрос» в России начала XIX в. понимался прежде всего как достижение некоторых улучшений в социальном и семейном положении женщин. Не исключалась и борьба за активное участие женщин в политике. Благородным целям усиления «социализации» женщин послужила первая на русской почве организация «для достижения общественных целей», созданная в 1812 г. — Женское патриотическое общество²¹, положившее начало женскому движению в России. В первые годы XIX в. появилось немало образованных женщин, разделявших идеи декабристов — членов первых политических организаций начала XIX в., целью которых была ликвидация или модернизация автократической системы²². В демократическом обществе, полагали тогда, женщины сами собой станут свободными, полноправными участницами общественной жизни. Как шаг в этом направлении рассматривалась и просветительская, и благотворительная деятельность; роль в ней женщин из числа знати нельзя недооценивать²³. Так что «женский вопрос» и «женское движение» в России возникли уже в первые годы XIX в., а не в середине века и не после отмены крепостного права 1861 г., как считали Р. Стайтс и К. Мэгд-Соёп²⁴.

Поскольку Россия до середины XIX в. жила еще по законам и нормам феодальной эпохи, давно уже устаревшим, прогрессивные юристы начали активно обсуждать вопрос о пересмотре законодательства. Не говоря уже о

политических правах (которых в то время не имело абсолютное большинство населения России, поскольку Россия была крепостной), русские женщины всех сословий не были полностью равны с мужчинами своего социального слоя в законе и во многих иных отношениях. Так, например, русские женщины начала XIX в. не имели доступа к высшему образованию, не имели права заниматься многими профессиями²⁵. В то же время на фабриках женщины трудились наравне с мужчинами, получая меньшую плату. Комплекс этих и иных вопросов обсуждался на страницах прогрессивных русских журналов XIX в. в рамках темы «эмансипация женщин»²⁶.

При этом следует учесть, что юридический статус русской женщины в отношении собственности и наследования превосходил статус большинства ее европейских сестер. В любой русской семье жена владела своим личным имуществом, имела право на не менее чем седьмую часть движимостей и на $\frac{1}{4}$ часть недвижимого имущества, если оставалась вдовой. Дочери также имели право на фиксированную часть наследства. Эти права у европейских женщин того же времени были либо меньшими, либо их вообще не существовало²⁷. Кроме того, уже в первые десятилетия XIX в. выдвигались проекты законов о полной имущественной самостоятельности женщин²⁸.

К комплексу вопросов об эмансипации женщин в середине XIX в. относилась и тема облегчения развода для женщин, их права на гражданский брак²⁹. Широкому обсуждению подверглись вопросы, связанные с проституцией, которая в течение прошедших веков не была заметным явлением и обнаружила себя лишь в XIX в.³⁰ То же можно сказать о дискуссиях по поводу «женских преступлений» (подкидывание детей, производство аборт)³¹. Определенную роль в привлечении внимания к этим сторонам «женского вопроса» сыграло проникновение в Россию идей европейского женского движения³².

Так или иначе, тема женщины, ее положения в семье и обществе и ее «освобождения» стала в середине XIX в. одной из ведущих тем в публицистике и литературе. Немалый интерес к женскому движению и «женскому вопросу» стали проявлять тогда и радикальные, а также экстремистские организации в России. Не случайно в работе Р. Стайтса просматривается тенденция увязывать историю политического террора 1870-1880-х годов со стремлением женщин решить «свой» вопрос, стать равноправными. Закономерно и то, что позже «женскому вопросу» огромное внимание уделили большевики, считавшие, что «не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем участия»³³. Советская историография 1920-1980-х гг. детально исследовала этот вопрос³⁴. И в то же время ни в России, ни в других странах³⁵ социальное, семейное, юридическое положение русских женщин XIX — начала XX в. практически не изучалось (за исключением этнографической литературы). Напротив, истории женщин России «советского» периода посвящено немало статей и специальных монографий. Тему эту принято было называть историей «женского вопроса» в СССР. И лишь сравнительно недавно в России задумались над тем, «решен» ли в действительности этот вопрос и правильный ли дан на него ответ.

В истории русских женщин после Октябрьской революции было несколько важных этапов. Первый — с сентября 1917 г. до начала 1930-х годов — можно назвать «годами великого эксперимента»³⁶. Полное юридическое равноправие мужчин и женщин было закреплено первой советской Конституцией 1918 г. Сложнее, чем предполагалось, оказалось с обеспечением фактического равенства.

В политической области под равенством стало разумеется скорейшее «коммунистическое воспитание» женщин и привлечение их в партийные ряды, чтобы впоследствии можно было бы выдвинуть их на государственные посты. Широко известно ставшее афоризмом замечание В. И. Ленина, что «даже кухарка может управлять государством» и что, следовательно, «необходимо втянуть в политику женщин»³⁷. Для «политического просвещения» женщин

уже в разгар гражданской войны в октябре 1919 г. при всех партийных организациях были созданы женские отделы. Был образован специальный государственный аппарат для работы среди женщин³⁸. Объективности ради следует признать, что женотделы сыграли определенную роль в преодолении, например, неграмотности огромного числа трудящихся женщин, в том числе и крестьянок: среди них грамотных в 1920 г. было всего 30%³⁹. Однако главной целью женотделов все же была идеологическая обработка человеческого материала, внедрение в сознание большинства женщин коммунистических идей. За этим не стояло злого умысла большевиков. Напротив, считалось, что несогласие с коммунистическими идеями может возникнуть только от «темноты» сознания, непонимания «своего счастья». Лозунгом того времени были слова: «Железной рукой загоним человечество к счастью!». В то же время создание каких-либо обществ, таящих в себе опасность отвлечения работниц и крестьянок от общих партийных целей, строго осуждалось⁴⁰.

Для обеспечения фактического равенства женщин и мужчин в области *общественного производства* партийные идеологи поставили задачу «вовлечь в него возможно большее число женщин»⁴¹. Надо сказать, что и до революции 1917 г. доля женского труда на фабриках была весьма значительной⁴². После же революции предоставление женщинам большого числа рабочих мест было вызвано особенностями историко-экономической ситуации, когда большая страна в условиях экономической изоляции должна была прибегнуть к экстенсивному развитию индустрии — за счет использования дешевого, неквалифицированного труда массы людей, в том числе женщин. Количество женщин, работающих на производстве, росло стремительно: не работать было нельзя, ведь до 1921 г. действовал принцип: «кто не работает — тот не ест», т. е. не получает продовольственных карточек. К середине 1920-х гг. число женщин-работниц в ряде городов даже превышало число работающих мужчин⁴³. Еще значительнее стало число женщин-работниц в 1930-е гг. в период сталинской коллективизации, когда женщины уезжали из деревни в город.

Во имя осуществления фактического равенства мужчин и женщин в *семейной жизни* в начале 1920-х гг. был проведен ряд важных и по-своему уникальных мероприятий. Так, уже в декабре 1917 г. в ходе самых первых социалистических преобразований в России был принят декрет «О гражданском браке», который лег в основу закона 1918 г. Впервые в русской истории законным признавался лишь тот брак, который был заключен не в церкви, а в государственных учреждениях. Под защитой закона оказывались дети, беременные и кормящие матери и т. п. Новый закон о браке 1926 г. признавал законным и так называемый фактически брак (т. е. незарегистрированный, но фактически существующий, когда муж и жена жили вместе и вели общее хозяйство). Была упрощена и бракоразводная процедура⁴⁴. Эти законоположения появились в России в условиях широкого распространения идей «свободной любви» и многочисленных «теорий» по поводу полового вопроса. При этом ленинские взгляды на любовь и сексуальную этику находились в 1920-е годы в противоречии со взглядами на этот же вопрос известного государственного деятеля того времени, большевички А. М. Коллонтай. Она отрицала «церковные идеалы девственности», писала о свободе любви, свободе адюльтера⁴⁵. Ленин и другие коммунисты того времени спорили с ней и, называя идею «сексуальной свободы» буржуазной, стремились не допустить «отвлечения» внимания пролетариата и женщин-работниц от идейной борьбы за построение коммунизма. Любить предлагалось исключительно или главным образом революционную и коммунистическую идею, вдохновляться ею же, «черпать в ней сильнейшие побуждения к борьбе»⁴⁶. В прочем, и в теории А. М. Коллонтай было немало перегибов, позволяющих и в настоящее время критикам упрекать большевиков в осуществлении идеи «социализации и обобществлении» жен и в других выдумках.

Как чувствовали себя русские женщины после Октябрьской революции в

усло
одно:
вдох
Друг
деяте
прио
беда,
гото
во и
ходо
К
И. Е
сейч
жен
бурж
жав
идео.
доре
репл
прои
двум
секс
Ж
муж
чем
их в
и ж
лич
маш
здор
цеха
тыс.
неяв
на л
Е
не
детя
мно
абсс
за с
в 19
ква
семе
поя
хоз
пра
бесг
с 19
русс
ей
всту
раз
огр
(
вой

гийных
альный
и ради
лении,
числе
Однако
еского
ческих
алось,
ко от
ементи
то же
чения
, 40.
ласти
влечь
июции
После
было
ышая
ть к
, не-
ество
было
ест»,
число
ин 43.
риод
род-
ин в
оему
рвых
ском
ории
жви,
дети,
б г.
еза-
кили
а 44.
ения
вого
гику
трос
сол-
юде
ени
нись
от
ль-
юх-
» 46.
цих
деи
а в

условиях реализации законов, «освобождавших» их, вероятно, нельзя дать однозначный ответ. Многие образованные женщины из интеллигенции были вдохновлены грандиозностью преобразований, активно участвовали в них. Другие воспринимали их критически. Женщины-работницы, вовлеченные в деятельность профсоюзов, партийных и советских органов, чувствовали себя приобщенными к делу строительства нового общества. Не их вина, а их беда, что они искренне верили в возможность его создания, что они были готовы поступиться своим свободным временем, силами, здоровьем и счастьем во имя «грядущего светлого завтра». Это и был великий эксперимент, за ходом которого вольно или невольно следил весь мир.

Конец 1920-х—1930-е годы, когда в России утвердился диктатура И. В. Сталина, был крутым поворотом в судьбах русских женщин. Лишь сейчас открываются архивы, по которым можно восстановить картину жизни женщин в эпоху тоталитарного режима. Русский народ, не имевший традиции буржуазного демократизма, вновь оказался в условиях практически самодержавной власти главы большевистской партии. Неудивительно поэтому, что идеологическая система России того времени возродила некоторые идеи дореволюционной церковной идеологии. В целях воспитания женщин и укрепления семьи в 1936 г. был принят закон, затруднявший развод, запрещалось производство аборт (при этом нелегальные аборты наказывались минимум двумя годами лагерей), со страниц журналов и книг исчезли дискуссии о сексе и сексуальной этике⁴⁷. В стране не производились контрацептивы.

Женщины в те годы работали на предприятиях и в колхозах наравне с мужчинами. «Вовлечение женщин в среду общественного производства» (о чем мечтал В. И. Ленин) обернулось в годы первых пятилеток вовлечением их в сферу неженского труда. Они работали комбайнерами на селе, строителями и железнодорожными рабочими в городе, водителями машин, причем не личными шоферами партийных босов, а водителями трамваев, грузовиков, машинистами подъемных кранов. Масса женщин оказалась на вредных для здоровья производствах — химическом, металлургическом, даже в «горячих» цехах⁴⁸. В одной только угольной промышленности в 1931 г. работали 43 тыс. женщин⁴⁹. Излишне напоминать, что осужденные за опоздание или неявку на работу женщины в сталинских лагерях трудились, как и мужчины, на лесоповале, в суровых условиях Севера, Сибири, Урала, Казахстана.

Вынужденные интенсивно работать на производстве или в колхозе, женщины не имели возможности уделять достаточного внимания себе, своей семье, детям. Советская пресса старалась убедить женщин, как прекрасно иметь много детей (до 10—12⁵⁰), и в то же время воспитание их было не материнским: абсолютное большинство городских детей росло в детских яслях, садах. Плата за содержание в детских учреждениях была, правда, мизерной⁵¹. Тогда же, в 1930-е гг., в России возникли пресловутые «дома-коммуны» и коммунальные квартиры, в которых при одной кухне и одной ванной проживало до 10—12 семей. В домах же партийных и советских функционеров в 1930-е годы появились домработницы. Они выполняли функции служанок и следили за хозяйскими детьми. Это были молодые и не очень молодые женщины, как правило, приехавшие из деревень, изгнанные из родных мест голодом и бесправием.

Таким образом, и фактическое, и юридическое положение советских женщин с 1917 по 1930-е гг. было различным. Если в годы «великого эксперимента» русскую женщину старались освободить от негативного наследия прошлого: ей было дано право самой определять, закрепить ли брак официально или вступить в фактический, если она сама решала, стоит ли и когда ей разводиться, то законы сталинского времени сделали женщин «винтиками» огромного партийно-государственного аппарата.

О том, как сказались на судьбах русских женщин Великая Отечественная война 1941-1945 гг., всю тяжесть которой, равно как и трудности восста-

новительного периода конца 1940-х — 1950-х годов, женщины перенесли наравне с мужчинами, написано очень много. Известно, например, что 26 тыс. женщин воевали в партизанских отрядах, что на фронтах сражались три женских батальона, были женщины-танкисты, летчицы, авиаторы, снайперы и т. д. Нашими социологами слабо изучен вопрос о том, как сказалась война на демографической ситуации 1950—1960-х годов. Ведь погибло более 30 млн. человек, распались миллионы семей, а миллионы детей так и не родились⁵².

Десталинизация и демократизация 1950—1960-х годов, которые связаны с именем Н. С. Хрущева, впервые в истории заставили женщин задуматься о своем «неравном равноправии», об исключительных (равных с мужскими) нагрузках на работе и о сохранении при этом обязательств быть также женой, матерью, хозяйкой. В это время КПСС поставила перед советским народом задачу «гармонического сочетания материнства с более активным участием женщин в трудовом процессе»⁵³, но конкретных путей достижения этой цели указано не было.

Чтобы прекратить производство нелегальных аборт, в 1956 г. их вновь легализовали, не допустив, впрочем, излишнего шума вокруг этого вопроса⁵⁴. Отсутствие других средств предохранения от беременности превратило аборты (начиная с 1950-х годов) в главный «контрацептив». До конца 1980-х годов их производили без наркоза, превращая в род пытки, умышленного наказания женщины. Лишь с 1990 г., да и то в частных и кооперативных клиниках, разрешили производство «вакуумных аборт» и аборт на ранних стадиях беременности.

Абортам противопоставлялось многодетное материнство, для которого, по сути, не было никаких предпосылок. Уровень жизни в стране, конечно, был выше, чем до войны и во время ее, но очень низок по сравнению с уровнем жизни в странах Европы и США. «Железный занавес» заставлял жителей СССР верить в возможность счастливой жизни в коммунистическом «завтра» и не позволял сравнивать «свою» жизнь с жизнью населения за рубежом. О каком многодетном материнстве могла идти речь, если не была решена главная проблема: как накормить страну? Если и тогда не хватало, и до сих пор не хватает жилья?

В то же время именно в «хрущевскую эпоху» — в начале 1960-х годов — государство предоставило всем советским женщинам оплачиваемый отпуск по беременности (по полтора месяца до и после родов), право на неполный трудовой день (конечно, с адекватным уменьшением оплаты), дополнительный отпуск (три дня) для матерей, имеющих малолетних детей⁵⁵. Эти реальные завоевания и достижения обставлялись в советской прессе массой противопоставлений, информацией о тяжелом положении женщин за рубежом и «реальной свободе, реальном равенстве» мужчин и женщин в России.

Главным достижением «брежневской» эпохи (1964—1982 гг.) было признание, что, казалось бы, решенный еще в 1930-е годы пресловутый «женский вопрос» вовсе не решен, хотя эту «нерешенность» и называли «остатками фактического неравенства», поскольку равенство правовое считалось уже достигнутым. Советские экономисты впервые обратились к проблемам женского труда в промышленности и сельском хозяйстве, его особенностям и его оплате. Выяснилось, что чем выше уровень экономического развития того или иного района, тем большее число в нем работающих женщин и меньшее число домохозяек⁵⁶. Причем это были прежде всего женщины, занятые в научных центрах и учреждениях. Надо признать, что именно Октябрьская революция с введенным ею принципом бесплатного среднего образования и правом на получение бесплатного высшего образования сделали возможным подготовку огромного числа женщин-специалистов: в 1974—1975 гг. больше половины всего студенчества составили студентки⁵⁷. Однако в дальнейшем даже женщины с высшим образованием, оказавшись в сфере управления или науки, занимались

не самым творческим трудом, а подготовительными операциями, рутинной канцелярской работой — составлением картотек, описанием архивов и проч. Имеющие равный образовательный уровень студент и студентка принимались на разные должности в музеи, университет или институт.

Так же обстояло дело и на производстве. Женщинами на предприятиях выполнялся и сейчас выполняется малоквалифицированный труд, низкооплачиваемые рутинные операции, а большинство руководителей и рационализаторов производства — мужчины⁵⁸.

Для облегчения труда женщин в конце 1970-х годов был принят специальный перечень профессий, запрещающий применять женский труд в условиях вредных для здоровья и будущего материнства. Это было большое завоевание по сравнению с 1930-ми годами⁵⁹. Социологи, врачи, демографы, психологи начали изучать условия работы русских женщин и были поражены несоответствием этих условий мировым стандартам⁶⁰.

Много проблем выявилось и в демографической сфере. Число рождений в России катастрофически падало: в 1926 г. их было 44 на 1000 человек, в 1960 — 25, в 1970 — 17⁶¹. Постоянно росло число семей бездетных и с одним ребенком, что в будущем грозило отсутствием воспроизводства русских⁶². Женщины в России легче отказывались от семьи, чем от работы, а совмещение трудовых и семейных функций стало сложной проблемой. Влияло и то, что «общество повального дефицита» (каким было социалистическое общество) предполагало гигантские затраты свободного времени женщин на покупку продуктов, стояние в очередях, ручную стирку, многочасовое приготовление пищи и т. п. В статистических справочниках СССР не публиковалась информация о затратах женщинами свободного времени⁶³.

Наконец, эти данные открылись. Социологи сделали попытку проанализировать проблему снижения рождаемости, роста числа разводов и семейной нестабильности. В прессе зазвучало требование, обращенное к женщинам: «Немедленно назад, в семью!». Исследователи и публицисты захлебнулись начали воспевать матерей-воспитательниц, женщин-хранительниц домашнего очага, будто забыв о роли отца и мужа и в воспитании детей, и в создании и упрочении семьи⁶⁴.

Что же касается участия женщин в политической жизни России, то этот вопрос в догорбачевское время также решался неоднозначно. В 1972 г., когда конгресс США проголосовал за равноправие женщин⁶⁵, в СССР женщины занимали 40% выборных должностей в сфере управления на местах и составляли треть депутатов Верховного Совета СССР⁶⁶. Однако эти женщины были «выбраны» не на равных правах с мужчинами: им просто выделили треть мест в парламенте. Насколько эффективным было участие женщин в работе парламента? О чем они думали во время заседаний? Одна из делегатов, выступая на I съезде Советов в 1988 г., сказала: «Что мы тут все заседаем? Нас ждут дома семьи, дети. Давайте поскорее все обсудим и пойдем по домам!» Многие борцы за права женщин в России сетовали и сетуют по поводу недостаточного числа женщин в высшем эшелоне власти⁶⁷, но этот вопрос крайне спорный. Скажем, известный советский историк и футуролог И. В. Бестужев-Лада выделил три условных типа современных женщин. *Первый* — ориентированный на все виды деятельности, кроме собственно женских. Это женщины, посвятившие себя науке, искусству, политике. Таких женщин нет необходимости втягивать в домашнее хозяйство, и муж (если он есть) должен быть, считает автор, «домашним хозяином» при «домашней нехозяйке». *Второй тип* — это $\frac{2}{3}$ наших женщин, работающих и любящих свою работу, но желающих уделить внимание и семье, и дому. Совокупный рабочий день таких женщин (до 16 часов в сутки) в 2 раза больше, чем рабочий день мужчины. Эта несправедливость подрывает семью и приводит к нервному и физическому истощению женщин. *Третий* — работающие женщины (так как на зарплату мужа семья прожить не может), но ориентирован-

ные только на семью. Они бы с радостью бросили работу, если бы им позволили обстоятельства⁶⁸.

В заключение коротко остановимся на современном положении женщин в России (с середины 1980-х годов до наших дней). Есть ли перемены? Да, хотя в целом трудно дать им четкую характеристику и однозначно сказать, «улучшили» или «ухудшили» они статус женщины.

Вначале ряд цифр. Женщины по-прежнему составляют в России большинство населения (53%), из них более 60% проживают в городах, остальные — в сельской местности⁶⁹. Общие и частные проблемы их жизни, работы, социально-политической активности часто рассматриваются на крупных женских форумах (например, в 1987 г. в Москве проходила Всесоюзная конференция женщин). В советской прессе последнего времени немало говорилось об успехах и неудачах на пути поисков ответа на пресловутый «женский вопрос». Одним из его аспектов является проблема образования и дальнейшего обеспечения женщин работой. Известно, что в России из общей численности людей с высшим образованием женщин — 40%, но среди имеющих научное звание их уже около 30%, среди профессоров и докторов наук — только 13%, а женщин-академиков можно пересчитать по пальцам⁷⁰. Женщины по-прежнему составляют большинство тех, кто ведет черновой научный и лабораторный поиск, а открытия на его базе делают мужчины, занимающие посты директоров, заведующих, шефов программ. Основную часть учителей составляют женщины, а директора школ, руководители в системе образования — мужчины. Итог: лишь 10% женщин с высшим образованием имеют высокооплачиваемую работу (против 46% мужчин)⁷¹.

Короче: при прочих равных условиях на работу возьмут скорее мужчину, чем женщину. Администрацию можно понять: мужчину легче послать в командировку, он не будет брать бюллетеней по уходу за больным ребенком и тем более по беременности и т. д.⁷²

За последние годы произошли некоторые позитивные изменения в положении женщин. С 1981 г. всем женщинам, родившим детей, после родов выплачивается денежное пособие, по размерам равное сумме, необходимой для покупки «приданого» новорожденному на первый год его жизни. Если это второй, третий и т. д. ребенок, то сумма выдачи удваивается. Полтора месяца до родов и полтора месяца после родов женщины не работают, получая 100% зарплаты от своего учреждения или предприятия. Далее, с 1983 г. они имеют право (получая чисто символическую сумму в $\frac{1}{8}$ прожиточного минимума) не работать еще 1,5 года и до 3 лет, не получая ничего, но сохраняя рабочее место и «стаж» работы⁷³. Надо сказать, что до самого последнего времени, до начала развала экономики в бывшем СССР и гиперинфляции, перечисленные меры способствовали росту рождаемости. Здесь Россия лишь повторяла опыт других социалистических стран (Восточной Германии, Венгрии и т. д.), где родившим женщинам вообще выплачивали 100% зарплаты в течение трех лет⁷⁴. Однако всем этим «завоеваниям социализма», как и многим другим, ныне пришел конец. Женщина в России в 1994 г. имеет право, но не может не работать: даже на две средние зарплаты (ее и мужа) прожить обычной семье трудно. Да и как прожить, если в современной экономической системе профессор получает в 20 раз меньше шахтера, в 3 раза меньше водителя троллейбуса, потому что и шахтеры, и водители забастовками добились соответствующих увеличений зарплаты, и в то же время даже они не удовлетворены своими заработками. Старой системы уже нет, новой — еще нет, а страдают люди и в первую очередь — женщины.

Гласность, введенная в нашу жизнь перестройкой, коснулась и сферы интимных отношений. Волны «сексуальной революции», давно отшумевшие на Западе, накатывают на Россию. Порнографической литературой торгуют на каждом перекрестке, плакаты с фотографиями обнаженных женщин висят в метро и на остановках, по телевидению показывают весьма откровенные

сцены. Добавим к этому конкурсы «Мисс-грудь», «Мисс-ноги» и практическую легализацию проституции — картина будет ясна. Профессия проститутки, по данным социологического опроса, обогнала по престижности (для подростков) профессию дипломата. Показательно, что среди современных проституток половина имеет детей и является матерями-одиночками, $\frac{3}{4}$ получили высшее или среднее специальное образование⁷⁵. Проституция не то чтобы поощряется, но уже не так осуждается. Дети проституток имеют возможность учиться в дорогих частных школах, носить хорошую одежду, не говоря уже о питании... Но — от хорошей ли жизни образованные женщины, 92% которых работали или работают (помимо занятий проституцией)⁷⁶, идут на панель? О какой «свободе» женщин может идти речь?

Что касается жизни современной семьи, то сейчас более, чем раньше, чувствуется стремление жить «неразделенной», «большой» семьей: если позволяют условия, молодые семьи стараются жить поблизости от родителей (а зачастую и вместе с ними). Часто бюджет молодой семьи с ребенком и их родителей не разделен. Без «института бабушек» молодым женщинам не удастся достигнуть профессиональных успехов. Трудно представить себе американскую бабушку-пенсионерку, которая вместо того, чтобы отдыхать, занимается с внуками, в то время как ее дочь или сын упорно работают, добывая себе «место под солнцем», признание на работе. У нас же такое распределение обязанностей и социальных ролей традиционно. Проживание «большими семьями» и в XIX в., и в более раннее время, вызванное необходимостью «сохраниться», выжить, существует и сейчас⁷⁷.

Вопрос об опоре на традиции в решении современных проблем с учетом уже достигнутого в области прав женщин в других странах очень актуален. Поэтому так важно знать все этапы в истории русской женщины, их особенности и границы. Необходимо выявить и традиционное, и новаторское в области «женского вопроса». Для его «решения» нужен достаточно высокий уровень развития общества, социальные условия: политическая стабильность, устойчивый психологический климат, высокая общая культура поведения, быта, чувства. Нужна готовность к консенсусу, к общественному согласию — не на матриархат (это пройденный этап в развитии общества), не на патриархат (он тоже себя изжил), а на биархат и в семье, и в обществе.

Примечания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 30; Т. 21. С. 68; Т. 32. С. 486 и др.

² Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959. С. 296.

³ Новикова Е. Е. Женщина в развитом социалистическом обществе. М., 1985. С. 11—12.

⁴ Историографию этой проблемы см.: Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 177—209.

⁵ Там же. С. 195—209.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. С. 68.

⁷ Пушкарева Н. Л. Указ. раб. С. 104—138; Пушкарева Н. Л., Левина Е. Женщина в средневековом Новгороде с X по XV вв. // Вестник МГУ. Сер. 5 (История). М., 1983. С. 4.

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 265 (пол. 6533 г.).

⁹ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. С. 92—95; Levin E. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs. 900—1700. Ithaca; L., 1989.

¹⁰ Levin E. Op. cit. P. 43—102.

¹¹ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. С. 82—85.

¹² Пушкарева Н. Л. Знаменитые россиянки. М., 1991.

¹³ Pushkareva N. Was the XVIth Century a Turning Point? // La donna nell'economia Sec. XIII—XVIII. XXI Settimana di Studi Istituto Internazionale di Storia economica. Prato; Florence, 1989. P. 246—254.

¹⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI—XVIII столетиях. М., 1895. Т. 2. С. 95—99.

¹⁵ Пушкарева Н. Л. Зарубежная историография вопроса о социальном положении женщин в Древней Руси // Вопр. истории. 1987. № 4.

¹⁶ Boškovska N. Russische Frauen im XVII Jh. Philos. Diss. (Unpubl.). Zürich. Univ. Zürich, 1992.

- ¹⁷ Леонтьев А. К. Быт и нравы//Очерки русской культуры XVII в. Т. 2. М., 1979. С. 5, 11, 15; Краснобаев Б. И. Основные черты новой русской культуры//Вопр. истории. 1968. № 4. С. 141.
- ¹⁸ Шлейссингер Г. Полное описание России//Вопр. истории. 1970. № 1. С. 109; Давид И. Современное состояние великой России или Московии//Вопр. истории. 1968. № 4. С. 141.
- ¹⁹ Татищев В. Н. Избр. произведения. Л., 1979. С. 407, 409, 412.
- ²⁰ Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 13.
- ²¹ Шумигорский Е. С. Императорское женское патриотическое общество 1812—1912. СПб., 1912. С. 157, 159.
- ²² Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Л., 1983. С. 61.
- ²³ Павлюченко Е. А. В добровольном изгнании... О женах и сестрах декабристов. М., 1980. С. 15.
- ²⁴ Stites R. The Women Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, Bolshevism. 1860—1930. N. Jersey, 1978. P. 3; Maegd-Soep C. The Emancipation of Women in Russian Literature and Society. Ghent St. Univ., 1978.
- ²⁵ Porter C. Donne in rivolta nella Russia zarista. Milano, 1977. P. 103; Dudgeon R. Women Education in Russia. Philos. Diss. (Unpubl.). Indiana Univ., 1977.
- ²⁶ Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохи. М., 1905. С. 107.
- ²⁷ Stites R. Op. cit. P. 27.
- ²⁸ Винавер М. М. К вопросу об источниках X тома Свода Законов. СПб., 1895. С. 7 (о проекте М. М. Сперанского).
- ²⁹ Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. //Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 93.
- ³⁰ Семидеркин Н. А. Введение гражданского брака в России//Вестник МГУ. Сер. II (право). 1982. № 1. С. 3.
- ³¹ Филиппов М. А. Характер специфических женских преступлений и наказаний//Русское слово. 1863. № 4. Отд. 1. С. 1. См. также: The Family in Imperial Russia. New Lines of Historical Research/Ed. Ransel D. L. Illinois, 1978.
- ³² Porter C. Op. cit. P. 44.
- ³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 201.
- ³⁴ См., например: Женщины русской революции. М., 1968.
- ³⁵ Maxwell M. Narodniki women: Russian women who Sacrificed Themselves for the Dream of Freedom. N. Y., 1990; Broido V. Apostles into Terrorism: Women and the Revolutionary Movement in Russia of Alexander II. N. Y., 1977.
- ³⁶ Dieckmann K. T. Die Frau in der Sovietunion. Frankfurt; N. Y., 1978. P. 32.
- ³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 368.
- ³⁸ Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 33—34. С. 6—7. См. также: Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР. М., 1978. С. 50—86.
- ³⁹ Курская А. С. Участие женотделов в проведении кампании по ликвидации неграмотности//Коммунистка. М., 1923. № 8. С. 10—11.
- ⁴⁰ Правда. 1923. 8 мая.
- ⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 136.
- ⁴² Le travail et la protection des femmes dans l'industrie russe//Revue international du travail. V. XX. № 4. Oct. 1929.
- ⁴³ Dieckmann K. T. Op. cit. P. 65.
- ⁴⁴ Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния//Декреты Советской власти. Т. 1. 25.10.1917 — 16.03.1918. М., 1918. С. 247—249 (№ 1957а, б).
- ⁴⁵ Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу//Молодая гвардия. М., 1923. № 3. С. 121.
- ⁴⁶ Цеткин К. Воспоминания//Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1957. С. 484—485.
- ⁴⁷ Постановление ЦИК СССР о запрещении абортов...//Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства СССР. С. 1. № 33 (17. 7. 1936). С. 509—516; Buchley M. Women and Ideologie in the Soviet Union. N. Y.; L., 1989. P. 128.
- ⁴⁸ Центральный Государственный архив Октябрьской революции. Ф. 3316. Оп. 51. Д. 10. Л. 2.
- ⁴⁹ Чирков П. М. Указ. раб. С. 124.
- ⁵⁰ Там же. С. 227.
- ⁵¹ Работница. 1936. № 18. С. 10—11.
- ⁵² Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1979. С. 126—232.
- ⁵³ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 393.
- ⁵⁴ Известия. 1955. 23 ноября. С. 2.
- ⁵⁵ Чумакова Т. Е. Труд и быт женщин. Минск, 1978. С. 26—27.
- ⁵⁶ Костяков В. Женская работа//Советская женщина: труд, материнство, семья. М., 1987. С. 35.
- ⁵⁷ Женщины в СССР. (Статистический сборник). М., 1975. С. 70.
- ⁵⁸ Костяков В. Указ. раб. С. 36.
- ⁵⁹ Чумакова Т. Е. Указ. раб. С. 15—19.
- ⁶⁰ Шишкин Н. М. Труд женщин в условиях развитого социализма. Кишинев, 1976. С. 17—19, 163—180.

61 П
62 L
Wash.,
63 С
64 S
1979. N
65 I
Women
66 S
67 L
анализ
68 F
M., 198
69 S
70 J
71 L
1985. I
72 J
73 J
74 J
75 ()
№ 6. ()
77 J

The
of th

Th
traces
Russia
Th
politics

С
горо
замк
погр

•

дова

- 11, 11. ⁶¹ *Переведенцев В. И.* Демографические проблемы СССР. М., 1979. С. 112.
4. ⁶² *Leedi F. A.* Demographic Trends in the USSR//Soviet Economic Prospects for the Seventies. Wash., 1973. P. 450.
- И. ⁶³ См., например: Женщины в СССР. М., 1975. С. 134—135. (Раздел «Женщина и семья»).
- III в. ⁶⁴ *Янкова З. А.* Культурно-психологические проблемы укрепления семьи//Социол. исслед. 1979. № 2. С. 36—45; *Buchley M.* Op. cit. P. 175.
- Пб., ⁶⁵ Looking Backward in Order to Look Toward: Women Work and Social Values in America//
⁶⁶ *Women and the American Economic: A Look to the 1980s.* Prentice Hall. 1976. P. 24.
1980. ⁶⁷ Женщины в СССР. М., 1975. С. 45.
930. ⁶⁸ *Ершова Е. Н., Новикова Е. Е.* СССР — США: женщина и общество. Опыт сравнительного
иету. ⁶⁹ анализа. М., 1988. С. 85—86.
- мен ⁷⁰ *Бестужев-Лада И. В.* В общих интересах//Советская женщина: труд, материнство, семья.
1987. С. 93—94.
- 7 (о ⁷¹ Женщина в СССР в 1988 г.: статистические материалы. М., 1988. С. 3—5.
- тале ⁷² Там же. С. 12—13.
- во). ⁷³ *Buckley M.* Soviet Interpretation of the Women Question//Soviet Sisterhood/Ed. Holland B. L.,
1985. P. 12.
- кое ⁷⁴ *Римашевская М.* Все краски бытия//Советская женщина... С. 83.
- ical ⁷⁵ *Ершова Е. Н., Новикова Е. Е.* Указ. раб. С. 194—195.
- of ⁷⁶ *Римашевская М.* Указ. раб. С. 89.
- ent ⁷⁷ Current Digest of the Soviet Press. V. 40. 1988. № 8. (2 March 1988); Социол. исслед. 1987.
ноябрь—декабрь). С. 56.
- ние ⁷⁸ *Rosenberg Ch.* Women and Perestroika. L., 1989. P. 59.
- от- ⁷⁹ Family in Imperial Rissia//Ed. Ransel D. Illinois, 1978.
- ail. ⁸⁰
- ого ⁸¹
- 49 ⁸²
57. ⁸³
- ий ⁸⁴
- еу ⁸⁵
2. ⁸⁶
2. ⁸⁷
7. ⁸⁸
9. ⁸⁹

The Russian Woman in Family and Society of the X—XXth Centuries (stages of history)

The evolution of the social status of the Russian woman is the focus of the paper. The author traces the status transformations through all the periods of Russian history, beginning from the Kiev Russia of the Xth century.

The emancipatory changes and movements are also traced. The modern status of women in the political, economic and domestic spheres is assessed.

N. L. Pushkariova

© 1994 г., ЭО, № 5

Т. Б. Щепанская

МИР И МИФ МАТЕРИНСТВА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1990-е годы.

(Очерки женских традиций и фольклора)*

Страна подобна таинственному сосуду,
к которому нельзя прикоснуться. Если
кто-нибудь тронет его, то потерпит не-
удачу. Если кто-нибудь схватит (его), то
его потеряет. Дао-дэ цзин. Чжан 29¹.

Эта работа продолжает исследования субкультурных явлений в современном мире. На сей раз речь пойдет о культуре рожающих женщин. Она достаточно изучена, ты не подозреваешь о ее существовании, пока сама в нее не погрузишься.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований РАН.